

Оставшись позади Дань-Даня, Цзин Цичэнь вздохнул. Сегодня он получил одинаковый приём и от отца, и от сына, что было довольно странно.

В десять вечера Янь Сюй, уставший, вернулся домой, собираясь принять душ и лечь спать. Ещё не успев достать ключи, он увидел, как дверь его квартиры медленно открывается.

Дверь, подгоняемая ветром, издавала скрипящий звук, от которого по коже бежали мурашки. Но Янь Сюй не обратил на это внимания. Он быстро вошёл в дом и был поражён увиденным.

Высокий мужчина ростом под метр восемьдесят сидел на диване, держа на руках Дань-Даня, словно младенца. Яйцо время от времени подпрыгивало в его твёрдых объятиях, перекатываясь, что говорило о его полном спокойствии. Ему не хватало только соски, чтобы достичь полного блаженства.

Янь Сюй не знал, как на это реагировать. Единственное, что он думал, — это то, что всё кончено: Дань-Даня обнаружили.

Теперь его могли забрать на эксперименты, продать какому-нибудь богатому коллекционеру или разбить скорлупу. Шрам на попке Дань-Даня ещё не зажил, а сам он был ещё совсем маленьким, не старше года. Он был послушным и исполнительным, всегда делал то, что говорил папа, никогда не хитрил.

Всё кончено. Янь Сюй замер на месте, в его голове пронеслись тысячи мыслей, вплоть до того, как умолять Цзин Цичэня не рассказывать о Дань-Дане.

— Дань-Дань очень послушный, он хороший мальчик, из него вырастет хороший человек, — Янь Сюй даже не понимал, что говорит. Его голова была переполнена, и слова вылетали без обдумывания. — Он не убивает, никому не вредит, с рождения ни разу не покидал этот дом, пожалуйста...

Голос Янь Сюя дрожал, он едва стоял на ногах, его колени подкашивались.

Однако Дань-Дань не чувствовал беспокойства и страха Янь Сюя. Он мирно дремал в объятиях Цзин Цичэня, иногда поправляя позу, если ему становилось неудобно.

«Животик дяди такой твёрдый, — сонно подумал Дань-Дань. — Лучше бы был помягче».

Цзин Цичэнь тоже чувствовал себя неловко. Он никогда не держал детей на руках. Его род почти полностью вымер. Во время Великой Катастрофы он был в состоянии сна, а когда проснулся, прошло уже множество лет. Море превратилось в сушу, небоскрёбы выросли из земли, а земля и небо заполнились машинами и людьми. Духовная энергия земли стала настолько скудной, что больше не могла поддерживать рождение божественных зверей.

Даже если кто-то и становился оборотнем или духом, это были не те могущественные существа, что в древние времена. Большинство его старых знакомых уже превратились в звёзды на небе, исчезнув без следа.

Но Цзин Цичэнь думал, что, должно быть, сам попал под какое-то проклятие, иначе зачем бы он последовал за рассерженным Дань-Данем в этот дом и стал держать яйцо на руках? Это было совершенно нелогично.

— Помоги, — Цзин Цичэнь, державший Дань-Даня уже три или четыре часа, наконец заговорил.

— А? — Янь Сюй, всё ещё в ступоре, подошёл, взял Дань-Даня на руки и снова издал бессмысленный звук.

«Какой же он глупый», — подумал Цзин Цичэнь.

— Я пойду.

Цзин Цичэнь взял свой пиджак, лежавший на спинке дивана. После всех действий Дань-Даня он был смят сильнее, чем старая тряпка.

Когда Цзин Цичэнь уже почти вышел за дверь, Янь Сюй наконец пришёл в себя. Он крепко обнял Дань-Даня, так сильно, что тому стало неудобно. Янь Сюй нервничал, его горло будто сдавило, и он с трудом выдавил:

— Вы не расскажете никому о Дань-Дане?

Цзин Цичэнь махнул рукой, совершенно равнодушно:

— Когда вылупится, будет обычным цыплёнком. Никто не обратит внимания.

После ухода Цзин Цичэня Янь Сюй всё ещё чувствовал себя опустошённым, словно только что вылез из воды, весь промокший.

Неважно, кем станет Дань-Дань после вылупления — оборотнем, червяком или цыплёнком. Главное, что это будет всё тот же Дань-Дань, та же душа.

Янь Сюй вздохнул с облегчением. Он интуитивно чувствовал, что Цзин Цичэнь не был тем, кто станет лгать.

А интуиция Янь Сюя редко его подводила.

Дань-Дань спал крепко, совершенно не подозревая, что происходит вокруг. Ему казалось, что

эти объятия гораздо мягче, чем у дяди. Хотя объятия дяди тоже были тёплыми, но не такими уютными, как у папы.

Этой ночью Янь Сюй спал плохо. Ему снились кошмары, в которых Дань-Даня забирали у него. Люди в странной одежде, якобы для исследований, отнимали яйцо, разбивали скорлупу и вытаскивали окровавленного Дань-Даня, отрезая ему конечности странными инструментами.

А Дань-Дань смотрел на него большими глазами, как курица, подвешенная на крюке, и кричал жалобным голосом: «Папа, мне больно, спаси меня».

Янь Сюй проснулся в холодном поту, вытер лицо и обнаружил, что оно мокрое.

Дань-Дань же мирно спал у него на груди, уткнувшись макушкой в живот папы.

Было ещё темно, но Янь Сюй больше не мог спать. Он лежал, глядя в потолок, одной рукой нежно поглаживая Дань-Даня.

Янь Сюй посмотрел на телефон. Было шесть утра. Сегодня, что странно, он не слышал петушиного крика. Обычно он начинался в пять.

— Тук-тук-тук! — раздался стук в дверь.

Дань-Дань заворочался, будто его разбудили.

Янь Сюй осторожно встал, надел тапочки, закрыл дверь спальни и подошёл к входной двери, чтобы посмотреть в глазок.

На пороге стоял молодой человек с короткими каштановыми волосами и тёмными кругами под глазами. Его черты лица были правильными, с густыми бровями и яркими глазами, что придавало ему вид человека с сильным характером. Он был одет в белую футболку и чёрные шорты, на ногах — чёрные шлёпанцы. Это был Хуан Чжиань, живший в квартире справа. Он делил жильё с ещё одним парнем, но Янь Сюй не знал, кем они друг другу приходятся. Он всегда думал, что они братья, хотя, возможно, двоюродные.

— Брат Янь, что за мясо лежит у двери Брата Чэня? Оно уже протухло, — Хуан Чжиань зажал нос, словно готов был вот-вот стошниться.

Янь Сюй открыл дверь. Он забыл вчера убрать мясо, которое Брат Чэнь принёс. В такую погоду оно действительно должно было протухнуть. Но, принявшись, Янь Сюй не почувствовал никакого запаха. Однако по выражению лица Хуан Чжианя можно было подумать, что вонь уже заполнила всё вокруг.

Возможно, у Хуан Чжианя просто более чувствительное обоняние, чем у обычного человека. Или, может, у Янь Сюя оно, наоборот, слишком слабое. Он не стал задумываться об этом.

— Брат Чэнь принёс его вчера днём, а когда узнал о пропаже Сяо Дуньэра, ушёл, даже телефон забыл, — объяснил Янь Сюй. — Я вчера был слишком занят, забыл убраться.

Хуан Чжиань всё ещё держал нос, его голос звучал гнусаво:

— Этот Чэнь всегда такой, всё забывает. Сколько раз ему говорили, он не слушает. Сяо Дуньэра так и не нашли?

Янь Сюй пригласил Хуан Чжианя в дом, закрыл дверь, и только тогда тот наконец отпустил нос.

Они сели в кабинете, где была хорошая звукоизоляция. Хотя комната была маленькой, для двоих места хватало. Янь Сюй налил Хуан Чжаню стакан свежего молока и принёс пачку печенья. Хуан Чжиань немного подкрепился и наконец пришёл в себя.

— Брат Янь, не лезь в дело с Сяо Дуньэром. Тебе это не по силам, бесполезно.

— Сяо Дуньэр пропал, как сосед, я просто хочу помочь, — Янь Сюй не злился. Он просто представлял себя на месте Тёти Чэнь. Если бы пропал Дань-Дань, он бы чувствовал себя не лучше. — А Сяо Сюй ещё не вернулся?

Сяо Сюй был вторым парнем, жившим с Хуан Чжианем. Он выглядел совсем молодым, высоким и худым, обычно держался отстранённо. Когда он ходил, то всегда держал голову высоко, хотя одна нога была слегка хромой, и он редко выходил из дома. У Сяо Сюя были белые волосы, что делало его особенно заметным.

Похоже, это было что-то вроде альбинизма, но не настолько серьёзное, кожа всё же имела здоровый оттенок.

<http://bllate.org/book/15574/1386691>